

На рубеже тьмы

Автор: Dave Kosak

ЛЕДЯНАЯ КОРОНА

Волны спокойствия уносят Сильвану Ветрокрылую прочь; на смену физическим ощущениям приходят чистые эмоции. Она может осязать счастье, видеть радость, слышать умиротворение. Таково оно — посмертие, ее судьба. Бесконечное море, в которое она погрузилась, погибнув при обороне Луносвета. Здесь ее место. С каждым мысленным возвращением сюда воспоминания понемногу стираются. Звук превращается в тишину, тепло - в холод. Видение обретает неясные черты полузабытого сна. Но конец воспоминания всегда яростен: дух Сильваны насильно тащат прочь. Боль так сильна, что сводит с ума. Артас Менетил криво усмехается и довольно смотрит на нее своими злобными мертвыми глазами, — это он тащит ее обратно в мир живых. Против ее воли. Он смеется — и от воспоминания об этом замогильном хохоте у Сильваны до сих пор мороз идет по коже.

* * *

— *Сукин ты сын!* — крикнула Сильвана, ногой отбрасывая обломок ледяных доспехов Короля-лича, и ее голос, ужасающе пустой, сорвался от ненависти. Крик этот эхом прокатился по вершинам Ледяной Короны и густым туманом, никогда не поднимающимся с этих мрачных земель, разнесся по низинам.

Она пришла в его бывшую твердыню одна. Здесь, в самой высокой башне цитадели Ледяной Короны, над плато белого льда торжественно возвышался холодный трон. Конечно, тот самодовольный мальчишка, которого она знала, пришел бы сюда, на вершину мира. И где он теперь? Умер. Сознание Сильваны освободилось от бремени его злой воли. Раздробленные доспехи Короля-лича лежали перед троном в замерзших лужах крови воинов, что все же сумели его низвергнуть.

Сильвана жалела, что ее не было здесь в тот миг, когда он пал. Она подняла пустую рукавицу — ту, что когда-то сжимала Ледяную Скорбь. *Наконец-то он мертв.* Но почему она не чувствует удовлетворения? Почему ее сердце по-прежнему полнится яростью? Она сбросила доспехи с обрыва и молча смотрела, как их поглощает текучий туман.

Сильвана была не одна. На вершине появились девять сияющих призраков, обративших к Сильване скрытые масками лица. В воздухе гостей удерживали изящные бесплотные крылья. Это были валь'киры, девы-воительницы, когда-то покорные воле Артаса. Почему они не ушли? Сильвана не знала и не хотела знать. Они не препятствовали ей, оставаясь немыми и недвижимыми, даже когда Сильвана бесновалась в ярости. Они наблюдали за ней? Оценивали ее? Она решила не обращать на них внимания и пошла по снегу к трону Артаса.

На котором восседал кто-то другой.

Сперва Сильвана подумала, что это труп Артаса, в насмешку усаженный на место его былой славы и превращенный в ледяную глыбу, но силуэт был совершенно иным. Она приблизилась к трону и провела ладонью по поверхности льда, пытаясь узнать того, кто скрывался внутри. Да, это был человек. Она распознала наплечник Альянса. Однако тело его было покрыто сильными ожогами, плоть походила на жареное мясо. На голову была надета корона Артаса. Глаза же... этот отблеск разума...

Его заменили. На троне сидел новый Король-лич!

Сильвана снова закричала, и потрясение ее переросло в ярость. Она ударила по льду ладонью, а потом и кулаком. Лед треснул. Паутина трещин скрыла застывшее лицо. Ее крики стихли, и эхо потонуло в окутывающем вершину тумане. *Его заменили. Выходит, Король-лич будет всегда? Глупцы.* Неужели они думают, что король-марионетка не решит когда-нибудь перековать мир по-своему? Или, того хуже, не станет орудием для чего-то еще более страшного?

Сильвана была разочарована. Поднимаясь сюда, она ждала триумфа, но лишь вновь проиграла. Победа не принесла ей удовлетворения. Королева банши отступила от трона, выпрямилась и попыталась смириться с тем, что порочный круг не был разорван. Артас мертв. Но его опустевший трон занял другой мертвец; разницы не было. Сильвана Ветрокрылая была отмщена. Мечта, что вела Сильвану и ее народ столько лет, наконец-то воплотилась. И ни единую часть ее обескровленной души не заботила дальнейшая судьба мира.

Все закончилось. Когда гнетущее присутствие Артаса покинуло разум Сильваны, она немного удивилась, что сразу же не ушла. Она отвернулась от трона и обратила взгляд к холодным землям, что лежали вокруг. Мысли Сильваны витали среди полузабытых образов. Она вспоминала о доме. Пора было возвращаться.

Она медленно подошла к неровному краю ледяной площадки. Далеко внизу простирался лес из саронитовых лезвий, окутанных туманом. Само падение не убьет Сильвану: ее мертвая плоть была почти неуязвимой. Но вот лезвия саронита, застывшей крови Древнего бога, не только разорвут тело на части, но и уничтожат душу. Она жаждала этого, жаждала вновь обрести покой. Дело, которое она начала в лесах Луносвета, со смертью Артаса оказалось завершено.

Она сняла с плеча лук и отбросила его прочь; он с грохотом прокатился по неровному льду. Затем она сняла колчан. Стрелы рассыпались, полетели к подножию цитадели Ледяной Короны и одна за другой пропали в тумане. Пустой колчан упал ей под ноги.

Изорванный темный плащ, более не удерживаемый весом оружия, заплескался на обжигающе холодном ветру. Сильвана не замечала мороза. Тупая боль завладела ею целиком. Но скоро она вообще перестанет чувствовать. Впервые за почти десять лет она ощутила, как ее дух начал успокаиваться. Она шагнула к краю обрыва. Закрыла глаза.

Валь'киры как одна повернулись в ее сторону.

ГИЛНЕАС

«Впере-е-е...», — успел крикнуть маршал, прежде чем мушкетная пуля раздробила ему нижнюю челюсть. Стена перед ним была проломлена, но все же служила хорошим укрытием для снайперов, невидимых за струями дождя. Погода не жалела ни нападавших, ни оборонявшихся. Маршал скатился вниз, как мешок с картошкой, и рухнул в грязь. Его воины терпели неудачу за неудачей, разрушители застряли в грязи, а мясные фургоны не могли к ним проехать. Кто угодно на его месте погиб бы, но маршал и без того был уже давно мертв, и потому поднялся вновь; с остатков его лица стекали кровь и гной.

А к северу, за пеленой дождя, Гаррош Адский Крик стоял посреди разоренного поля и пытался понять, что происходит на фронте. Он видел серые очертания великой гилнеасской стены, рассеченной Катаклизмом огромными косыми трещинами. Если бы там сражались его кор'кроны, ее бы уже взяли. Он зарычал, увидев, как по грязи возвращается разведывательный отряд отрекшихся, очевидно, потерпевших неудачу. Победившие отрекшиеся выглядели как трупы. Проигравшие отрекшиеся выглядели и того хуже.

— От ваших разведчиков никакого толка. Я даю приказ измотать защитников стены, а они ползут обратно, как побитые собаки, — сказал Гаррош, даже не посмотрев на своего спутника. Рослый орк облачился в самое грозное из своих одеяний. Его наплечники были украшены острыми бивнями, а под татуированной бурой кожей бугрились огромные мышцы. Несмотря на то, что шатер Гарроша был раскинут всего на шаг позади него, уходить из-под дождя вождь не собирался. Вода текла по его хмурому лицу и капала с тяжелой челюсти.

Под сводом шатра прятался от дождя опытный аптекарь Лидон, который по сравнению с орком выглядел просто хрупким. Он наморщил рябой от оспин лоб под спутанными фиолетовыми волосами, пытаясь придумать ответ, который не повлечет за собой очередного потока брани со стороны вождя.

— Смею вас заверить, они делают все, на что способны, — ответил он, стараясь, чтобы его резкий голос звучал смиренно. — Защитники Гилнеаса наверняка в смятении.

— Тогда почему разведчики ковыляют обратно, а не продвигаются вперед? — рявкнул Гаррош, пинком отбросив бочонок. Позади под дождем мокли его собственные войска: четыре роты самых опытных орков и тауренов, которых поддерживали пять батальонов сильнейших солдат Оргриммара. Они стояли на полях Серебряного бора — море зеленых и бурых лиц под ярко-красными знаменами. — И где же обещанные полки из Лордерона? Они должны наступать через брешь. Мы впустую теряем время.

Лидон знал, что не стоит обсуждать тактику с упрямым вождем, но чем ближе был час наступления, тем сильнее им овладевало отчаяние. Он провел темно-фиолетовым языком по серым губам, и попытался подобрать ответ, способный хоть немного вразумить орка.

— Определенно, их задержал дождь. Но они скоро придут. Это, несомненно... лучшие бойцы Лордерона. Костяк нашей армии... средоточие всей нашей военной силы.

Гаррош задумчиво постучал костяшками пальцев по щеке. Пока Лидон говорил, он разглядывал местность и мысленно расставлял пехоту и кавалерию.

— Но нельзя же посылать их прямо в центральный пролом, — продолжал Лидон. — Это же... будет настоящая бойня. Пролом хорошо обороняется. Тяжелая конница не сможет маневрировать, когда по ней начнут стрелять из мушкетов. Вы же должны понимать, что...

— Все я понимаю! — оборвал его Гаррош. — Дверь приоткрыта, осталось выбить ее одним ударом. И вы для этого подходите как нельзя лучше. — Вождь посмотрел на аптекаря — прямо в бледно-желтый свет, исходивший из его глазниц. — Вы уже мертвы, и убить вас окончательно почти невозможно. Вы набьетесь в ту теснину, открыв путь для остальных отрядов Орды, отдохнувших и жаждущих битвы. Они пройдут по трупам, если придется. Вот так берут крепости! Так выигрываются войны!

Аптекарь поднял два сложенных костяных пальца. — Но если бы мы могли использовать... хотя бы *капельку* чумы. Только чтобы открыть проход. Даже меньше — *всего пылиночку!* Никакого настоящего вреда, лишь страх и паника...

Рука Гарроша мелькнула среди струй дождя: вождь со всей силы ударил Лидона по лицу. Аптекарь подпрыгнул, словно его лягнула лошадь, и лишь усилием воли сумел удержаться на ногах.

— Только попробуй использовать хотя бы *крупичку* этой дряни, и я сожгу и тебя, и твой вонючий город дотла, — прорычал Гаррош и снова повернулся туда, где кипела битва.

Униженный аптекарь едва слышно пробормотал:

— Да, вождь.

Но внутри него все кипело от гнева. *«Где же госпожа Сильвана? — гадал он, подняв пустые глазницы к темному небу. — Кто, если не она, сможет противостоять этому животному?»*

ЛЕДЯНАЯ КОРОНА

Сильвана стояла на краю башни Ледяной Короны с закрытыми глазами. Она подняла руки. Несмотря на ледяной ветер, Сильвана чувствовала лишь тупую боль.

Ощувив рядом чье-то присутствие, она открыла глаза. Валь'киры приблизились к ней настолько, что стало видно оружие на призрачных телах. Что им было нужно?

Внезапно разум ее затопило видение. Воспоминание. Она увидела себя в теплой спальне, залитой солнечным светом — в лучах, раскинувшихся в причудливом узор по полу, парили пылинки. Это была ее комната. Целую вечность назад. Сильвана тогда еще не встретила и двадцатую свою осень, но уже была лучшей охотницей в семье. Она натянула высокие сапоги, аккуратно выровняв шнурки и завязав их красивым узлом, поправила расшитый листьями камзол и упала обратно на постель, чтобы полюбоваться своим отражением в зеркале. Золотистые волосы, ниспадавшие до пояса, светились на солнце. Улыбаясь своему отражению, она долго играла с ними, пока не уложила в идеальную прическу. Ей недостаточно было считаться лучшей охотницей в семье. Надо было, чтобы от ее вида у всех захватывало дух. *Она была так тщеславна.*

Это было странное, давно забытое воспоминание, но Сильвана почему-то отошла от края обрыва. Какой в нем был смысл? Та жизнь утрачена навеки...

Потом на нее накатило другое воспоминание. Она пряталась за большим валуном где-то в Лесах Вечной Песни. Шелест осеннего листопада заглушил звук шагов ее спутника, молнией подлетевшего к ней и рухнувшего рядом.

— Их так много! — рявкнул он и затих, когда она предупреждающе подняла палец. — С нами всего две дюжины стрелков, — шепотом продолжил он. — Им не выстоять! — Сильвана, не отрываясь, смотрела на отряд трупов, ковыляющих к речному броду. То был разгар Третьей Войны. До падения Луносвета перед армией Артаса оставалось несколько часов.

— Они должны лишь задержать врага, пока мы укрепляем оборону Солнечного Колодца, — тихо ответила она.

— Но они же погибли!

— Они — стрелы в колчане, — ответила Сильвана, — чтобы победить, их нужно выпустить.

Ее слова были резки. Жестокость? Нет, просто война. У нее было сердце воина.

Третье воспоминание нахлынуло так же внезапно, как и второе.

— Законные наследники Лордерона! — крикнула Сильвана, держа лук над головой. Кожа ее тонкой и по-прежнему сильной руки была синевато-серой. Кожей мертвеца. Все вокруг было иным. Это было воспоминание о том, что случилось уже после смерти. Перед ней собралась толпа мертвецов в разномастных доспехах, тела их были изуродованы, а запах, исходивший от них, вызывал дурноту. Они смотрели на нее печально и отчаянно, как смотрят иногда дети. Они вселяли в нее отвращение. Но их отчаяние придавало ей сил. — Король-лич дрогнул. Вы подвластны лишь собственной воле. Хотите ли вы стать изгнанниками на своей земле? Или вы возьмете карты, что бросила вам жестокая судьба, и попытаетесь отыграть, вернуть себе место в этом мире?

Ответом ей было сначала бульканье, а потом хриплые одобрительные крики, в которых проскальзывало отчаяние. Костлявые кулаки взметнулись к небу. Несчастный народ: крестьяне, фермеры, священники, воины, дворяне и лорды... они еще даже не свыклись с тем, что с ними произошло. Но если уверить их, что и для них есть *место* в мире, все может перемениться.

— Нас бросили. Мы *отреклись*. Но завтра на рассвете столица будет принадлежать нам, — сказала она. И они взревели от радости.

— Но как же быть с людьми? — спросил молодой алхимик, когда шум стих. Сильвана запомнила его по сражению прошлой ночью. Холодный ум светился в его глазницах. Лидон... вот как его звали. Он уже принял свою судьбу, говоря о людях, как об отдельном народе. Она отметила, что ему можно будет найти в дальнейшем достойное применение.

— Люди сыграют свою роль, — ответила Сильвана, раздумывая, как это будет. — Они верят в то, что это *они* освобождают город. Пускай сражаются сами, гибнут ради нашего блага. Они... — Она запнулась, поняв, что уже говорила это раньше. — Стрелы в нашем колчане.

Мертвецы покашливали, одобрительно хлопали и кивали. Сильвана холодно посмотрела на них. *«И вы тоже, — подумала она, — Стрелы, которые я направлю в сердце Артаса».*

Снова она вела себя, как воин? Стала равнодушной. Нет, она осталась прежней. И в жизни, и в смерти.

Сильвана покачала головой, прогоняя видение. То были ее воспоминания, но она не вспоминала. Их у нее забирали. Валь'киры вытаскивали их из глубин ее памяти. Бледные духи парили вокруг, изучая ее без единого звука. «*Они испытывают меня, — догадалась Сильвана, — оценивают!*»

Она вдохнула холодный воздух, и глаза ее внезапно наполнились жизнью.

— Не вам меня судить! — крикнула она, отворачиваясь от обрыва, чтобы встать лицом к своим обвинителям. — Ни вам, ни кому-то еще! — Ярость закипала внутри нее. Поможет ли крик банши против этих... созданий?

Но ей не нужно было драться. Для нее все закончилось.

— Не подходите, — приказала она, — и не лезьте мне в голову!

Сильвана сделала шаг назад. Ветер играл ее волосами и потрепанным плащом. Мысли о том, кем она была и кем стала, причиняли ей невыносимую боль — и она знала, как ее прекратить. Не быть ей больше предводительницей народа, состоящего из оживших трупов. Она сделала все, что могла, и теперь ее ожидала давно заслуженная награда. Ища забытого благословения, она позволила ветру столкнуть себя с вершины цитадели Ледяной Короны. Стихия ревела вокруг Сильваны, пока та летела вниз. И вершина, и молчаливые валь'киры скрылись из виду.

Саронитовые ножи, разорвавшие тело Сильваны, поставили точку в ее падении.

ГИЛНЕАС

Костяк армии лордеронской нежити медленно, словно во сне, двинулся вперед. Приказы звучали как будто приглушенно. Тяжелая кавалерия хлынула сквозь пролом. Копыта мертвых лошадей чудом находили опору среди обломков стены. Отрекшиеся пытались протиснуться в брешь, которая иногда становилась настолько узкой, что и четверым было не разойтись.

Потом артиллерия оборонявшихся разразилась глухими, раскатистыми выстрелами. Там, куда падали снаряды, люди и лошади превращались в столбы костяной пыли и брызг крови. Мушкетные залпы были похожи на бой далеких барабанов, но этот бой выкашивал ряд за рядом. Только вот воины эти прошли через ужасы Ледяной Короны. Они наступали непрерывно, надеясь навязать защитникам стены бой. Подошла вторая волна, и нежить забросила крюки на

парапет, откуда вдруг хлынуло горячее масло. Весь передний край внезапно окутали огонь и дым. Мушкеты продолжали палить, но отрекшиеся не отступали.

Некоторым удалось добраться до верха стены, но их сразу же сбрасывали вниз. Защитники не были людьми. Кто-то сумел создать отряд из злобных тварей, что обитали в Серебряном бору и были похожи на волков. Там, где не помогали ружья и мечи, в ход шли когти и клыки. Они вонзались в мертвую плоть и рвали ее на части.

Отрекшиеся вновь усилили натиск; их клинки были покрыты кровью и омыты дождем. Фигуры бойцов темнели в тумане, их крики походили на далекое эхо. Защитники стены начинали сдавать. Они убили столько врагов — как кто-то еще мог оставаться в живых?

Первая волна орков застала гилнеассцев врасплох. Ордынские бойцы бросились вперед по горам трупов. В их глазах светилась жажда победы. А потом все закончилось. Стало тихо.

Бастион, незаконченная линия укреплений, отделявших Лордерон от того, что теперь называлось Чумными землями, держался неплохо. Аптекарь Лидон был там. Он лишился левой руки, а лицо его пересекала глубокая рана. Он торопливо раздавал указания молчаливым воинам. Нужно было организовать оборону Бастиона, но поручить ее было почти некому. Основу армии отрекшихся принесли в жертву в Гилнеасе.

Немногие уцелевшие столкнулись с организованным войском людей и дворфов, шедшим на запад после победы в Андорале. С теми крохами, что остались в Бастионе, сложно было надеяться на победу. Больше никого из Орды рядом не было.

«Это все неправда, — вдруг осознала Сильвана, поняв, что каким-то образом присутствует при развитии этих событий. Она была мертва. Она ощущала это, но душа ее пребывала в чистилище. — В чем дело?»

Последнее, что она помнила — это падение. Нынешние видения казались памятью о событиях, что еще не произошли. Откуда они пришли к ней? Где она?

Столица в осаде. Король Ринн стоит у горящего остова башни для дирижаблей, рисуя своим генералам схему Подгорода. Он уже штурмовал город и потому уверен в победе.

Внутри городских стен полыхают погребальные костры. Сильвану охватил гнев: Альянс уже сжигает трупы! Нет. Минуточку. Она попыталась понять то, что видела

словно сквозь пелену. *«Немногие уцелевшие отрекшиеся бросаются в огонь, — поняла она. — Лишь бы не достаться своим палачам».*

— Этого не может быть, — сказала Сильвана. Голос прозвучал так, словно она была еще жива. Неужели ее народ на самом деле так слаб? Нет. *Нет!* Гаррош погубил лучшую часть ее войска в своих расточительных походах. Отрекшиеся лишились своих вождей. Вот что можно было понять из видений.

Туман сгустился и поглотил образы будущего. Сильвана больше не чувствовала своего тела. Она пребывала в чистилище. Но... она могла видеть себя! Пораженная, она внимательно посмотрела на свои руки. Ее плоть снова была золотисто-розовой, упругой и сияющей, как при жизни. Но она была здесь не одна.

Внезапно она увидела: ее окружали девять дев-воительниц, рядом с которыми меркла даже ее красота. Валь'киры предстали перед ней такими, какими были при жизни. Волосы одних были черны, как вороново крыло, лица загорелы, голубые глаза сверкали. Пышные кудри других светились, как снег на солнце. Их лица были прекрасны, но решительны. Их гладкие руки были мускулистыми, а широкие бедра — сильными. У каждой было свое оружие — копье, алебарда, двуручный меч с сияющим лезвием из полированной стали. Каждая была величайшей из воительниц своего поколения.

«Они были такими же, как я, — поняла Сильвана, — тщеславными победительницами. Они гордились собой».

— Да, так и было, — сказала валь'кира с мечом, отвечая на мысль Сильваны, словно та была высказан вслух. Ее глубокий голос громко звучал в тишине. — Меня зовут Аннгильда Призывательница. А это — мои сестры по оружию. Нас осталось всего девять. При жизни мы служили воинам севера и пожелали продолжить свою службу после смерти.

— Службу Королю-личу.

Лицо Аннгильды скривилось.

— А сама ты вызвалась бы служить ему? — спросила она.

— Что это? Что это за видения? — потребовала ответа Сильвана.

— Образы будущего, — ответила Аннгильда. — От каждой прошедшей жизни остается след. Ты видела след, который оставила сама.

— Не нужно обладать даром провидца, чтобы увидеть, как Адский Крик разбрасывается солдатами Орды, жертвуя ими ради собственных амбиций, —

сказала Сильвана, чувствуя, как просыпается в ней старый гнев. Но отклика от тела не было. Ничего. — Куда вы забрали меня? Я должна была бы умереть.

— Ты умерла, — ответила другая валь'кира, с волосами цвета угля.

— Нет, умерла я уже давно, — возразила Сильвана, — Вы удерживаете меня в чистилище. Но *зачем?*

Аннгильда не теряла терпения, и ее тихий голос успокаивал. — Чтобы показать тебе последствия твоего ухода. Чтобы предложить тебе выбор.

— Я уже сделала свой выбор, — прервала ее Сильвана.

— Твой народ погибнет! — воскликнула темноволосая валь'кира. Она была самой молодой из дев в жизни, а после смерти оказалась самой нетерпеливой.

Мысли Сильваны обратились к отрекшимся. Ее народ сильно изменился с момента своего появления, когда недавно умершие бесцельно бродили по развалинам столицы Лордерона. Отрекшиеся на самом деле стали народом: зловонная толпа окровавленных тел, обученных убивать и использовать магию, не обремененных страхами смертных. Они превратились в совершенное оружие. *Ее* оружие. И оно нанесло смертельный удар, для которого было создано. Ей была безразлична их судьба.

— *Так пусть гибнет!* — выкрикнула Сильвана. — Мне больше ничего от них не надо!

Аннгильда подняла руку, останавливая младшую сестру.

— Тихо, Агата. Она еще не знает. Ей надо увидеть остальное. — Предводительница валь'кир обратила на Сильвану свои светящиеся зеленые глаза, исполненные печали. — Сильвана Ветрокрылая, иди же навстречу своему забвению. Мы не будем тебе мешать.

Аннгильда закрыла глаза и исчезла вместе со своими спутницами.

Сильвана почувствовала, что куда-то движется. Все исчезло. Время остановилось.

— Мы не смогли ее удержать! — простонала Агата.

ГИЛНЕАС

Дождь все шел, превращая землю у Гилнеасской стены в болото. Когда Гаррош объезжал ряды отрекшихся, лапы его огромного боевого волка тонули в грязи. Вода текла по обритой голове орка и капала с подбородка.

— Гилнеассцы укрылись за высокими каменными стенами, — крикнул вождь, перекрывая шум дождя и раскаты грома. — Вы, жители Лордерона, знаете их историю. Когда людям-союзникам понадобилась их помощь, что они сделали? *Построили стены и спрятались за ними.*

С лязгом мечи ударились о щиты. Не все отрекшиеся держались за воспоминания о жизни, но те, кто решил ничего не забывать, не питали любви к королевству, отвернувшемуся от мира в самый черный час.

Гаррош продолжал, высоко подняв голову:

— Они жили в бесчестии. Думаете, как они будут сражаться? С честью? — Он громко рассмеялся. — Нет, они погибнут, как трусы, и такими их и запомнят. Но *ваша* отвага будет воспета в веках. — Гаррош Адский Крик повернулся к пролому в Гилнеасской стене, снял со спины легендарный топор Кровавый вой и указал его выщербленным лезвием на вражеские укрепления. — *Стены могут пасть, но слава вечна!*

Аптекарь Лидон запустил пальцы в волосы. Рев орков, тауренов и отрекшихся перекрывал гром. *Как у него выходит?* Лидон не мог этого понять. *Мои братья-отрекшиеся радуются своему скорому уничтожению!*

Лидон пытался найти слова, в последний раз призвать Гарроша к благоразумию и отказаться от ужасного плана. Он пытался представить, что сказала бы Темная Госпожа, как бы она усмирила его жажду крови. Он открыл было рот, но не нашел слов.

До авангарда отрекшихся донесся отдаленный шум.

Гаррош отъехал на волке в сторону, открывая путь армии.

— Герои отрекшихся! Вы — острие моего копья. Поднимите оружие, издайте боевой клич, не останавливайтесь и не смолкайте, пока над стеной не будут виться знамена Орды! — Гаррош взмахнул Кровавым воем. — Оружие на изготовку!

— **ОТСТАВИТЬ!** — раздался громкий крик откуда-то с севера. В голосе Королевы банши звучала такая сила, что даже дождь, казалось, замер на мгновение. Молния рассекла небо надвое, гром же был подобен удару огромного молота по камню. Все повернулись к Темной Госпоже, что восседала на костяной лошади. Черный плащ трепетал на ветру, глаза блестели из-под мокрого от дождя капюшона.

Увидев ее, отрекшиеся побросали оружие в грязь, склонили головы и начали опускаться на колени.

Аптекарь Лидон не пал ниц, хотя его ноги и дрогнули при виде спасительницы Отрекшихся. Он проковылял вперед, волоча по грязи края длинного одеяния, и взял ее скакуна под узду.

— Темная Госпожа, — с облегчением прошептал он...

...и вздрогнул от удивления: Сильвану сопровождали ужасные валь'киры, парящие в воздухе на прозрачных крыльях.

Гаррош приблизился к Сильване по изборожденной колеями дороге, вдоль которой, как армия статуй, стояли коленопреклоненные отрекшиеся. В глазах орка горела жажда крови. Лидон поспешно отступил.

Сильвана же даже не моргнула и не сняла капюшон, чтобы проявить уважение к вождю Орды. Она лишь упрямо подняла подбородок. Ее слова предназначались Гаррошу, но были сказаны достаточно громко, чтобы слышали все.

— Адский Крик! Гилнеас *обязательно* падет. И Орда получит свою награду, — сказала она. — Но если ты хочешь использовать мой народ в бою, то придется делать это по *моим* правилам. — Она перебросила плащ через плечо, открыв серую кожу и украшенные перьями черные доспехи. — Три моих самых быстрых корабля отправились к южным берегам, чтобы отвлечь внимание от столицы Гилнеаса. Кроме того, я вызвала подкрепление из Похоронного Звона.

Аптекарь Лидон задумался, услышав эти слова. Насколько он знал, Похоронный Звон превратился в настоящее кладбище.

Но самое главное — его госпожа изменилась. Ее голос, и ранее внушавший страх, теперь стал звучать с уверенностью, свойственной богам. И откуда рядом с ней оказались валь'киры?

— Госпожа, — прошептал Лидон, — где же вы были?

Она взглянула на него, и аптекарь отпрянул, выпустив узду из дрожащих рук.

ТЬМА

Сильвана Ветрокрылая падала. Не в физическом смысле — тело ее поггло у подножия цитадели Ледяной Короны. Это падал в бесконечную пропасть, подобно камню, ее дух.

Как она оказалась здесь? Она не помнила. Ее убил Артас? Она покончила с собой? Таково было правосудие валь'кир? Время здесь ничего не значило. Вся ее жизнь выглядела теперь не чередой событий, а одним мгновением, проблеском сознания в бескрайней пустоте.

Она видела только темноту.

А потом пришло ощущение — настоящее ощущение, какого у нее не было уже очень долго. Ее бросило в жар. Боль. *Агония*.

Ее душа вновь стала целой лишь затем, чтобы погрузиться в страдания. Она снова получила возможность чувствовать, но сейчас единственным, что она ощущала, была безграничная боль. И холод. И безысходность.

И страх.

В темноте она была не одна. Рядом был кто-то еще, кто-то настолько ужасный, что существовать в мире живых он просто не мог. Он вонзал в нее когти, но у нее не было рта, чтобы закричать. Он смотрел на нее, но она не могла ответить взглядом.

Сожаление.

Она почувствовала присутствие кого-то знакомого. И узнала его. Насмешливый голос, что когда-то удерживал ее в оковах. Артас? Артас Менетил? Здесь? Его дух рванулся к ней, потом отлетел прочь, узнавая и ужасаясь. Мальчишка, который когда-нибудь станет Королем-личом. Просто напуганный светловолосый ребенок, пожинаящий плоды жизни, полной ошибок. Если бы душа Сильваны не была так истерзана, она бы могла — впервые в жизни — хоть немного пожалеть его.

Среди всех мирских страданий и бесконечного зла Король-лич был... почти незаметен.

Теперь другие подступили к ней. Окружили ее. Злорадствуя, пытая ее сознание, наслаждаясь ее муками.

Ужас.

Такой будет ее вечность: бесконечная пустота тьмы, безымянный мир страданий.

Мгновение или целая жизнь прошла перед тем, как сквозь тьму пробился луч света? С распростертыми объятиями за ней пришли они — девять валь'кир, невероятно красивых, особенно по сравнению с темным миром, — и окружили Сильвану светом.

Она почувствовала себя маленькой и обнаженной. Свернувшейся клубком. Она вновь обрела голос, но смогла лишь заплакать. Сильвана Ветрокрылая была сломлена. И все же валь'киры не судили ее.

— Госпожа Сильвана, — мягко произнесла Аннгильда, касаясь лица эльфийской лучницы. — Ты нужна нам.

— Чего вы хотите от меня?

— Мы были связаны волей спящего Короля-лича. Заточены на вершине Ледяной Короны, возможно — навсегда. Мы жаждали свободы так же, как ты когда-то. — Аннгильда опустила на колено рядом с Сильваной, остальные взяли за руки, окружив их. — Нам нужен сосуд. Существо, похожее на нас. Воительница. Сильная. Та, что знает жизнь и смерть. Та, что видела свет и тьму. Достойная власти над жизнью и смертью.

— Ты нужна нам, — повторила Агата, чьи черные волосы блестели на свету.

— Мои сестры навсегда освободятся от Короля-лича, но их души будут связаны с твоей, — продолжила Аннгильда. — Сильвана Ветрокрылая, Темная Госпожа, королева отречшихся... Ты можешь вернуться в мир живых вместе с валь'кирами. Пока живут они, будешь жить и ты. Свобода, жизнь... и власть над смертью. Вот наше предложение. Ты примешь его?

Сильвана ответила не сразу. Забытье наполняло ее страхом. Даже сейчас она чувствовала вокруг себя затаенную злобу. Лишь это предложение могло помочь ей выбраться отсюда. Но она не хотела давать согласие лишь от страха. Она ждала, пока не поняла остальное. Товарищество. Круг друзей. *Сестры*. По отдельности они все в ловушке. Но вместе они будут свободны... и с ними она сможет отложить исполнение своей судьбы.

— Да, — сказала она, — Я принимаю ваше предложение.

Аннгильда сдержанно кивнула и поднялась. Ее лица было почти не видно.

— Мы заключили соглашение, Сильвана Ветрокрылая, — сказала она. — Мои сестры пойдут с тобой, ты обретешь власть над жизнью и смертью. — После долгой паузы она закончила. — А я займу твое место.

Свет был ослепительным.

Когда Сильвана очнулась, ее тело оказалось невредимым. Чудовищная колонна цитадели Ледяной Короны возвышалась над ней, как надгробный камень.

Аннгильда пропала. Сильвану окружали восемь оставшихся валь'кир.

Пока живы они, будет жить она.

ГИЛНЕАС

— Да ты-то кто такая, чтобы оспаривать мои приказы? — рявкнул Гаррош, посылая волка вперед. Огромный орк навис над Сильваной, ожидая ее ответа.

Но та и не подумала отстраниться.

— Когда-то и я была как ты, Гаррош, — ответила она тихо, чтобы слышал только вождь. — Те, что служил мне, были для меня просто орудием. Стрелами в колчане.
— Она подняла руку и медленно скинула капюшон, обратив взгляд на вождя. Ее глаза были живы, и за темнотой расширенных от ярости зрачков пылали угли.

Никто не рискнул тогда посмотреть в глаза Сильване Ветрокрылой. Никто, кроме Гарроша Адского Крика.

И в них он увидел бесконечную черную пустоту. В глазах Сильваны был страх... и что-то еще. Что-то, что ужаснуло даже могучего вождя. Его волк начал пятиться.

— Гаррош Адский Крик. Я была в мире мертвых. Я видела бесконечную тьму. Ничто из того, что ты скажешь, и ничто из того, что ты сделаешь, *не сможет* напугать меня.

Каждый из армии мертвецов, что окружала и защищала Темную Госпожу, принадлежал ей телом и душой. Но стрел в ее колчане больше не было. Они стали защитой от бесконечной тьмы. Они были достойны мудрого командования, и никакой орк не пошлет их на бойню бездумно, пока Сильвана остается в мире живых.

Вождь перевесил топор за спину, и его волк отступил от костяного коня. Наконец Гаррош отвел взгляд от глаз Сильваны.

— Пусть будет так, Темная Госпожа, — изрек он так громко, чтобы слышали все. — Мы возьмем Гилнеас... так, как *ты* говоришь.

Он послал волка бегом по грязи, в сторону своих воинов.

— *Но я этого не забуду*, — подумал он, — *Адский Крик будет следить за тобой пристальнее, чем за всеми остальными.*